

Максим Мартинцов в суде / Фото: Никита Сологуб, «Медиазона»

30.01.2020, 13:58 Москва

ИНТЕРВЬЮ

Мать фигуранта «московского дела» Мартинцова — о СИЗО, письмах и жизни после ареста сына

Максим Мартинцов — фигурант «московского дела», которого приговорили к 2,5 годам колонии за [эпизод](#) на Рождественке. Там 27 июля силовики без причин избивали дубинками участников мирного протеста. Восемь человек стали фигурантами уголовного дела из-за того, что пытались прекратить избиения. ОВД-Инфо поговорил с матерью Максима Галиной Мартинцовой о том, как изменилась ее жизнь после ареста сына, об условиях в СИЗО и поддержке общества.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Расскажите про Максима. Какие у него политические взгляды? Посещал ли он митинги?

— Отношения у Максима со всеми дружеские, в хулиганстве замечен не был, старался избегать конфликтных ситуаций. Не привлекался ни к уголовной, ни к административной ответственности, за всю осознанную и сознательную жизнь ни с кем не дрался. По поводу политических взглядов — я не могу ничего сказать, я не политическая, он не политический, мы об этом даже не говорили

Он служил в армии, я не видела в этом ничего плохого, не пыталась ему помочь избежать службы. Посещал ли Максим какие-то митинги в Москве — тоже об этом не знаю. Во всяком случае, он мне об этом не говорил. Сын работал и жил в Москве два года, с августа 2018 года он переехал в Москву (Максим родился в городе Унеча Брянской области, Галина сейчас проживает там — *ОВД-Инфо*).

Вы знали о «московском деле»?

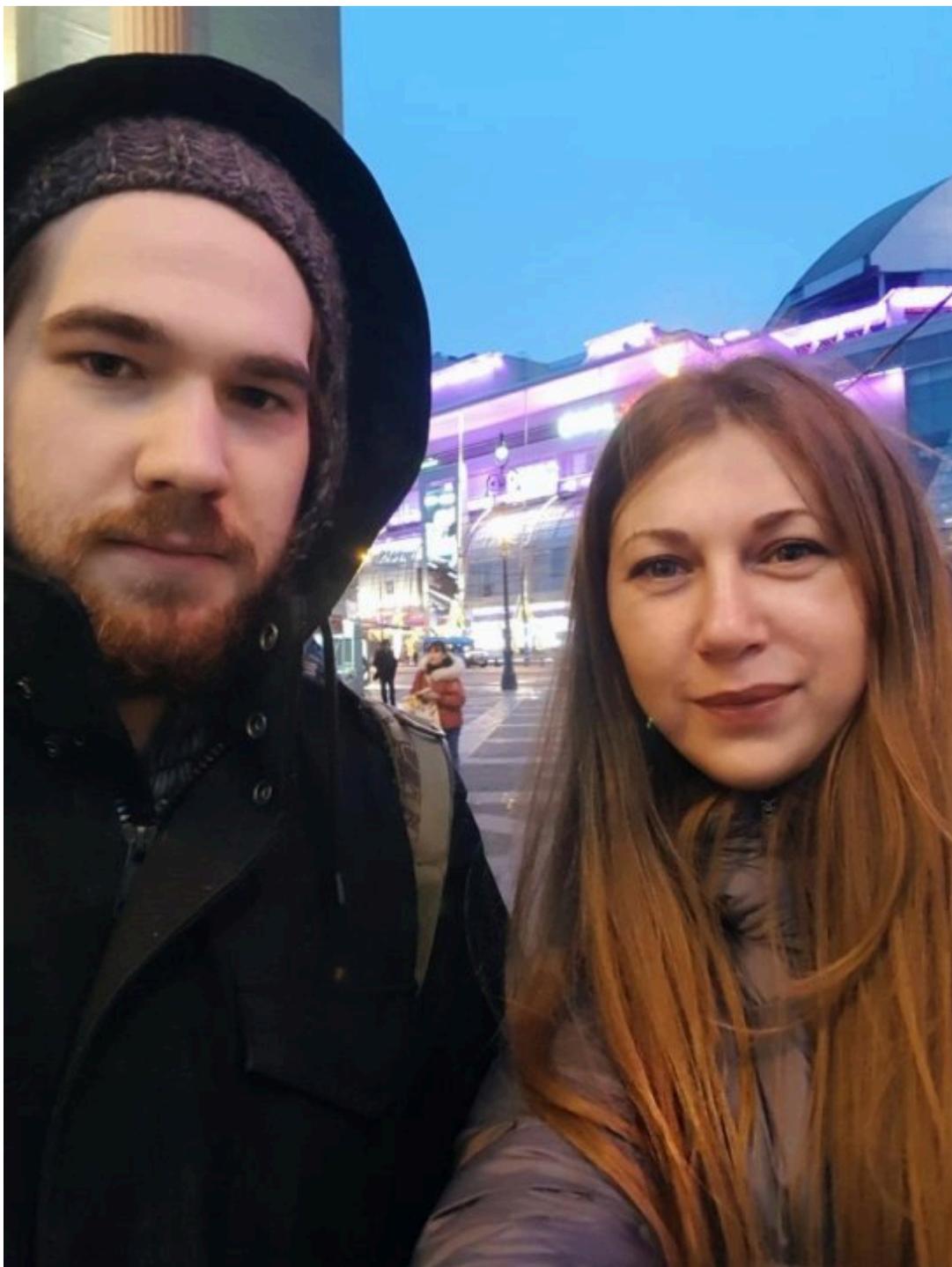
— Я знала только о митинге, который проходил. Я не знала о «московском деле» до случившегося. Сын приезжал домой в августе, но он ничего не говорил, не рассказывал о том, что был на митинге. Друзья Максима мне потом сказали, что у него не было политической цели, ради которой стоило посещать митинг. Я думаю, что это был чисто мальчишеский интерес. Он сказал, что вышел

за покупками в магазин, а попал именно в то место, где произошло столкновение с полицейскими.

Как вы узнали об аресте сына?

— Я узнала об аресте сына, когда возвращалась с работы домой. Мне позвонили родственники из Башкирии, сообщили, что по федеральным каналам транслируют эту новость: про задержание Максима и нескольких других ребят. Я не знала, что делать, куда звонить. Было лишь одно желание: услышать моего родного, узнать, что все хорошо у него.

Пришла домой, начала искать контакты адвокатов, имена которых фигурировали в «московском деле». Звонила незнакомым людям, пыталась что-нибудь хотя бы узнать. Один из адвокатов и подсказал мне позвонить в ОВД-Инфо. После бессонной ночи я наконец-то дозвонилась утром до адвоката сына Михаила Игнатьева. Смогла узнать первую информацию: где находится мой сын, все ли с ним хорошо, не избивают и не пытаются ли его. В тот момент для меня это было самым главным.

Максим и Галина Мартинцовы / Фото из личного архива

Его задержали 14 октября, рано утром. Точнее, как задержали — к нему пришли люди в масках. На просьбу Максима позвонить маме следователь просто ухмылялся, не разрешал звонок сделать. Я звонила, но телефона у него, конечно же, не было. До утра пребывала в неведении.

Приехали люди в масках в шесть утра, когда он еще спал. Как опасного преступника забрали. Абсурд, конечно —

всех переловили, всех посадили, и теперь-то у нас в стране нет «преступников». Все преступники сидят.

Какая была реакция родственников? Бабушки, за которой Максим ухаживал?

— У родственников у всех был шок. Зная Максима, многие не могли поверить в то, что произошло. Все ведь знают, что Максим всегда пытается избежать конфликтной ситуации.

Бабушке Максима — моей маме — я долгое время не рассказывала о том, что произошло, ведь у нее высокое давление. И я предполагала, какая может быть реакция. Я скрывала, она узнала из федеральных новостей. У нее начался кризис, было высокое давление, ей вызывали скорую. А это именно та бабушка, которой Максим очень много помогал, она же одна живет. С ней я стараюсь данную тему не затрагивать, потому что она и так постоянно плачет, это естественно, он для нее как сын.

В то время, когда сын находился в изоляторе [временного содержания], с ним не было никакой связи, в свиданиях следователь отказывал. О том, что происходит с сыном, я узнала от ОВД-Инфо. Когда мне дали разрешение на свидание в СИЗО, он мне уже рассказал, что на него сокамерники давили, предлагали признать вину, запугивали. Там же их подстригли наголо. Такой поступок — подстричь ребят — это своего рода давление на них. До этого у Максима были красивые длинные волосы. То есть им сразу пытались сказать: «Вы осуждены».

Я приезжала в Москву, когда суды шли неделю, всю неделю находилась в Москве. Утром приходили в суд, поздно вечером возвращались домой.

Как проходили свидания с Максимом?

— С Максимом я виделась несколько раз: в декабре до приговора и уже в январе после длительных выходных.

Он мне рассказывает, что все хорошо, конечно же, он не хочет меня расстраивать. Рассказывает, что сокамерники — хорошие люди, с которыми ему удалось найти общий язык.

Он там читает книги, рисует, отвечает на письма. Их приходит много, иногда он даже отвечать не успевает. Просил передать спасибо тем, кто его поддерживает, кто принял участие в его судьбе. Письма приходят со всего мира, из-за границы, из России из разных городов. У Максима появились друзья по переписке. Когда во [временном] изоляторе находился, не мог ни с кем переписываться, не было общения, не было свиданий. Когда перевели в СИЗО — у него поднялось настроение из-за того, что у него появилась возможность общаться. Он ведь никогда не был связан с судебной практикой, такая растерянность была — полная изоляция и давление.

Если бы не поддержка со стороны людей — ему было бы очень тяжело. Эта поддержка не дает ему уйти в себя, начать чувствовать, что он никому не нужен.

Приезжаю на свидание, хочется его обнять, поддержать, хотя он уже взрослый парень. Для мамы ребенок всегда остается ребенком, и неважно, сколько ему лет. Я очень сильно соскучилась, виделись мы нормально в августе месяце, последний раз, когда он приезжал. И поговорить хочется — не в СИЗО. Потому что там свидания проходят через стекло по трубке телефонной.

Звонки пока не разрешили?

— На данный момент у нас только письма и свидания, звонки пока не разрешили. Я только недавно узнала, что можно написать заявление на разрешение звонков. Вот Максим написал заявление, но пока еще разрешения не дали, разрешение должен дать судья. Секретарь сказала, что около месяца займет.

Как вы справляетесь с переживаниями?

— Сколько бы ни прошло времени — об этом очень сложно говорить, просто хочется хоть как-то помочь ребенку. Вроде продолжаешь дальше жить, понимая, где он находится, что каждый день он там, что у него **отит** в обостренной форме. И ты не можешь узнать, как он там. Вся связь только через письма. Когда цензоры сочтут нужным передать письмо, когда я получу это письмо — непонятно, процесс вечно затягивается.

Его осматривал доктор, выписал антибиотики, капли ушные. Очень сильно болело ухо. Узнать, что сейчас происходит, я не могу, переживаю очень из-за этого. Да, таблетки дали, но ведь непонятно, в какой форме этот отит, может, ему потребуются уколы, капельницы, поэтому переживаю.

Мне помогает работа, потому что с утра до вечера я нахожусь на работе, общаюсь с людьми, а приходя домой, могу уже подумать обо всем, что происходит.

А вообще очень тяжело. Вот недавно пересматривала это **видео** с Рождественки — тяжело смотреть. За что два с половиной года дали? Эти обвинения построены на том, что сотрудники полиции, как они сами сказали в суде, смотрели видео, находя «интересные моменты». Но ведь нет доказательств, [что Максим причинил вред здоровью сотруднику Росгвардии] — нет соприкосновения, его самого сзади хватают и опрокидывают. И ему дали за это два с половиной года.

Какие действия предпринимаются, чтобы помочь Максиму?

Мамы, родители, родственники пытаются хоть как-то выйти на президента. Обращения писали от родителей фигурантов «московского дела». Первое обращение было переадресовано в Следственный комитет, в ноябре это

было. Ответа мы до сих не получили, хотя на ответ дается 30 дней, ответа нет. Мы писали обращение в СПЧ (Совет по правам человека — *ОВД-Инфо*), когда была встреча с Путиным. Мы подготовили обращение, его Сванидзе приложил в свой доклад и озвучил это. Мы добиваемся встречи с Путиным, но нам пришел ответ, что это невозможно. Мы стараемся донести до него, потому что, возможно, его неверно информируют. Мы не можем сидеть сложа руки и смотреть, что происходит с нашими детьми.

Максим Мартинцов / Фото из личного архива

Нас не слышат или не хотят нас слышать. Я не знаю, почему так. Я думала, что мы напишем обращение и нас выслушают. Мы просим встречу с президентом. И также просим прекратить уголовное преследование наших детей. Пока нашим детям дали реальные сроки, а больше ничего не произошло. Как говорят, сегодня кинул стаканчик пластиковый, а завтра бутылку, то есть власть боится этих митингов, всячески пытаюсь запугать.

Когда шла еще первая волна «московского дела», Максим думал о том, чтобы уехать из страны?

— Нет, у него не было предчувствий, у него и загранпаспорта не было. Точнее, у него срок действия паспорта закончился, новый не оформлял, поэтому у него не было такого желания. Он не думал, что его смогут арестовать и осудить. Думал ли он, что это будет два с половиной года? Думаю, нет. Мне кажется, он даже не следил за первой волной «московского дела».

Вообще непонятно, как должен вести себя человек в такой ситуации, как та, что была на Рождественке: крики о помощи, избивание людей.

Максима обвиняют в том, что он с разбегу нанес полицейскому удар, хотя на видео видно, что он подошел посмотреть, что происходит, никакого разбега и не было, чтобы ударить росгвардейца. Там же видно, как Максим падает и по инерции поднимает руку и ногу. В тот момент его не арестовали, не задержали, то есть он встал и ушел. На тот момент он не был преступником. И чуть позже уже сотрудники Следственного комитета, просматривая видео, выносили решение, кого они будут арестовывать. Как они сами выразились, «искали на видео интересные моменты».

Как вообще мать ощущает себя, когда такое происходит с ее ребенком?

— Невозможно это принять. Мне до сих пор кажется, что это страшный сон, ошибка всё, что всё будет хорошо.

Вся поддержка со стороны небезразличных людей к «московскому делу» ребятам придает силы. Было бы тяжело без поддержки. Ребят осудили на большие сроки просто за то, что хотели помочь людям, которых избивали сотрудники Росгвардии. Если бы об этом не писали СМИ — многие люди так и не узнали бы о «московском

деле». Многие пишут в телеграм мне, в социальные сети, выражают слова благодарности, слова поддержки.

Была надежда на амнистию?

— Все надеялись на амнистию, но статьи там нашей нет (318 статья УК не входит в список статей, которые подпадают под **амнистию** к 75-летию Победы — *ОВД-Инфо*). К сожалению, правда такова, они хотят всех запугать и такое показное шоу сделать.

Мне всегда казалось, что его отпустят, просто возьмут и отпустят. Я надеялась, что в нашем случае будет условный срок или штраф. Тем более, в наш судный день, 6 декабря, у многих приговоры были не обвинительные, условно было, штраф или год [лишения свободы]. А наших ребят объединили в группу, хотя они были друг с другом не знакомы. На видео в суде просматривали с разных участков, где отслеживались ребята, видно, что ребята не были вместе. Но прокурор затребовал объединить в группу, и поэтому дали такой срок. Но мы, родители, не сидим сложа руки, ведь невозможно продолжать спокойно жить, зная, что наши дети отбывают срок за решеткой.

Не смогли остаться в стороне. Почему восемь человек стали фигурантами

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Дело 27 июля 2019 года

Нескольких участников акции 27 июля 2019 года против недопуска оппозиционных кандидатов на выборы в Мосгордуму приговорили к реальным срокам по статье о насилии в отношении представителя власти.

21

Ещё почитать

27.02.2026 [Москва](#)

В Москве в третий раз за неделю у здания Генпрокуратуры задержали пикетчицу из Северной Осетии